

РИМСКАЯ ИМПЕРАТОРСКАЯ АРМИЯ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

Wesch-Klein G. Soziale Aspekte des römischen Heerwesens in der Kaiserzeit (Heidelberge Althistorische Beiträge und Epigraphische Studien. Bd 28). Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1998. IV, 257 S.

Alföldy G., Dobson B., Eck W. (Hrsg.). Kaiser, Heer und Gesellschaft in der römischen Kaiserzeit. Gedenkschrift für Eric Birley (Heidelberge Althistorische Beiträge und Epigraphische Studien. Bd 31). Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2000. 509 S.

Предметом настоящего обзора являются две книги, посвященные истории римской императорской армии. В первой из них – монографии немецкого исследователя Габриэлы Веш-Кляйн – рассматриваются социальные аспекты римской военной организации в эпоху Империи. Вторая – сборник статей памяти Эрика Бёрли, одного из виднейших специалистов по истории императорской армии и римской Британии¹. Эти работы объединены интересом к социальной (в широком смысле) истории армии. В центре внимания авторов находятся прежде всего проблемы, связанные с той ролью, какую военнотружущие разных рангов и родов войск играли в римском обществе, в административных механизмах, экономических, политических и социо-культурных процессах, а также иерархические структуры и социальные связи внутри самой армии. Изучение данной проблематики стало особенно интенсивным в последней четверти XX в., что позволяет выделить этот период как качественно новый этап в историографии римской армии². Широкая разработка темы «Армия и общество Римской империи» стимулировалась не только накоплением нового документального материала в области военной археологии, эпиграфики и папирологии, но также внутренней логикой научного поиска, стремящегося ко все более разностороннему анализу исторических феноменов и теми импульсами, которые шли из других областей антиковедения и исторической науки в целом.

Г. Веш-Кляйн стремится, во-первых, на современном уровне знаний дать обобщенную характеристику тех сторон военной организации, которые уже давно и обстоя-

¹ Главные его работы по армейской тематике собраны в томе, изданном в 1988 г. в серии «Mavors. Roman army researches»: *Birley E. The Roman Army: Papers 1929–1986. Amsterdam, 1988 (Mavors IV).*

² *Махлакк А.В. Изучение римской армии в современной историографии: итоги, проблемы и тенденции // Антиковедение на рубеже тысячелетий: междисциплинарные исследования и новые методики (информатика, подводная археология и создание компьютерной базы данных). Тез. докл. конф. М., 2000. С. 68–71.*

тельно изучаются в литературе (система чинов и рангов, финансово-экономическое и правовое положение солдат и ветеранов, их персональные связи и контакты с гражданским населением в различных сферах жизни и т.д.), а во-вторых, дополнить ее более углубленным анализом тех аспектов, которые еще не получили достаточно полного освещения либо вообще не затрагивались в имеющихся общих работах по императорской армии (сюда относятся такие проблемы, как медицинское обеспечение солдат, их свободное время, отпуск и некоторые другие). Какие именно аспекты жизнедеятельности армии интересуют Веш-Кляйн, наглядно видно из названий тех семи глав, на которые подразделяется ее работа: гл. 1. «Внутренняя иерархия»; гл. 2. «Финансовое обеспечение»; гл. 3. «Медицинское обеспечение»; гл. 4. «Свободное время и отпуск»; гл. 5. «Персональные связи»; гл. 6. «Умаление или утрата военного и общественного статуса»; гл. 7. «Возвращение к гражданской жизни». Каждая глава в свою очередь делится на параграфы. Кроме того, в книге имеются «Заключение», библиография и индексы (предметный, именной и указатель источников).

Обосновывая во «Введении» свои подходы и проблематику работы, Веш-Кляйн прежде всего подчеркивает очевидную корреляцию между внутренней иерархией, существовавшей в армии, и римскими сословно-социальными структурами. Военная организация принципата не только консервировала существующий общественный порядок, но также открывала возможности повышения социального статуса: переринам – через наделение их при выходе в отставку римским гражданством и ветеранскими привилегиями, а для *homines novi* и выходцев из приграничных провинций – через систему чиновпроизводства. В шести параграфах первой главы автор, суммируя наблюдения и выводы многочисленных современных исследований³, последовательно, с учетом исторических изменений, характеризует все уровни и ранговые группы армейской иерархии – от сенаторских и всаднических офицеров до рядовых воинов и гражданских служащих, находивших работу в армии. Собственные авторские суждения в данной главе не отличаются новизной, хотя отдельные частные замечания представляют несомненный интерес. Отметим в частности вывод о том, что в III в., начиная с правления Каракаллы, многие командиры всаднического ранга происходили из периферийных областей Империи (Северной Африки, восточных и дунайских провинций), что объясняется прежде всего тем, что военная карьера перестала привлекать старую муниципальную знать и многих всадников: они не желали больше жертвовать удобствами мирной жизни ради службы, которая с конца II в. в условиях масштабных войн, политической нестабильности и нередких узурпаций стала гораздо более рискованной, чем в предшествующие десятилетия (с. 18). Незаинтересованностью всадников в военной службе, как полагает автор, обусловлено также возрастание роли центурионов, которые в III в. чаще выступают в качестве *praepositi* – временно назначенных командиров отдельных вспомогательных частей и *вексилляций*. Эта тенденция имела далеко идущие последствия: опытные в военном деле люди могли проявить себя и из простых солдат дослужиться до высоких командных постов (с. 24–25). Интересные заключения делает автор и относительно высшего разряда центурионов, так называемых *primi ordines*. Вопреки прежним толкованиям к ним надо отнести не только трех первых, но всех центурионов первой когорты легиона. Характерно, что в правление Северов наблюдается примечательное подчеркивание иерархии среди центурионов, проявляющееся в одной любопытной детали: в документальных источниках при указании подразделения называется точный ранг центуриона (по типу *centuria sexti hastati prioris*), а не просто его имя, как раньше. Не исключая, что такое обозначение было введено в целях бюрократической ясности в условиях широкого использования откомандированных сводных подразделений (*вексилляций*), Веш-Кляйн склонна считать этот феномен проявлением усилившегося

³ Исключительное разнообразие проблем и подходов в изучении *Rangordnung*'а императорской армии демонстрируют опубликованные материалы недавно состоявшегося специального конгресса, на котором были представлены 43 доклада исследователей из многих стран: *Le Bohec Y. (Ed). La hiérarchie (Rangordnung) de l'armée romaine sous le Haut-Empire. Actes du Congrès de Lyon (15–18 septembre 1994)*. P., 1995.

самосознания военных, в первую очередь центурионов, и даже пишет о «сословном сознании» (*Standesbewußtsein*) внутри армии (с. 27). Специальный экскурс (с. 28–30) Веш-Кляйн посвящает в высшей степени примечательной биографии центуриона Петрония Фортуната, которая известна по надписи из мавзолея Петрониев в окрестностях античного Циллия (совр. Кассерин в Тунисе) (CIL VIII 217 + 11302 = ILS 2568 = IL Tun. 332).

Характеристика иммунов (*immunes*) построена на сопоставлении их перечня в тексте Патерна (D. 50. 6. 7 (6)) с данными надписей и папирусов. Веш-Кляйн в частности опровергает мнение А. фон Домашевского о том, что *lani* (мясники) появились в римской армии только в III в., когда в солдатском рационе *frumentum* был потеснен мясной пищей. Она ссылается при этом на данные археологии, которые свидетельствуют об употреблении солдатами мяса уже в эпоху Республики (с. 37). В свете новых исследований уточняется также толкование функций и некоторых других армейских специалистов. Иммунам, надо сказать, вообще уделено, по сравнению с другими категориями военнослужащих, наибольшее внимание в первой главе. И это вполне понятно, учитывая их многочисленность и разнообразие их функций. Благодаря наличию собственных ремесленников и специалистов лишь в очень немногих случаях войска нуждались в привлечении гражданских медиков, переводчиков, архитекторов и других специалистов (о них идет речь в § 6). Общие же выводы по главе сводятся к следующему. Несмотря на профессиональный характер своей армии, римляне не отказались от идеи войска, состоящего из граждан. Масштабы социального возвышения, которое сулила военная служба, не следует преувеличивать. Тем не менее, армия давала шанс преодолеть сословные барьеры, и эта тенденция все более усиливалась от I века к III. Характерное для римской армии уважение к *gradus dignitatis* находило непосредственное выражение в неодинаковом авторитете разных родов войск, сроках службы, но прежде всего в сильно различающихся уровнях жалованья.

О жалованье и прочих доходах солдат речь идет во второй главе. Автор отмечает, что солдатские доходы складывались не только из *stipendium*, донатив и добычи, но обеспечивались также натуральными выплатами (*аннопа*), различными финансовыми привилегиями, прежде всего освобождением от налогов, пошлин, затратных городских *munera* и т.п., личной собственностью солдат, а также солидной премией при выходе в почетную отставку. Совокупность всех этих доходов и обуславливала привлекательность военной службы для потенциальных новобранцев. После Максимиана Фракийца солдатское жалованье больше не повышалось, но неизбежное в условиях инфляции снижение доходов отчасти компенсировалось бесплатной выдачей продуктов и одежды и более значительными донативами (с. 51). Отсутствие точных данных о динамике цен и размерах обязательных вычетов из жалованья на различные нужды не позволяет с полной определенностью говорить о большей или меньшей доходности солдатской службы сравнительно с заработками гражданских лиц (с. 205). Однако весьма высокий уровень благосостояния центурионов, чье жалованье многократно превышало *stipendium* рядовых, не вызывает никаких сомнений. Показательно в этом отношении, что некоторые всадники вступали в армию в качестве центурионов, а префекты когорт иногда переводились на должность легионных центурионов, что считалось повышением (с. 53).

Далее Веш-Кляйн прослеживает эволюцию донатив, которые сначала были эпизодическими выплатами, введенными Августом и его преемниками, и причитались только солдатам из числа римских граждан, а на рубеже II–III вв. стали даже в официальном словоупотреблении отождествляться с императорской «щедростью» (*liberalitas*) и со временем превратились в регулярную составную и даже основную часть солдатских доходов. Интересна мысль автора о том, что эта эволюция, завершившаяся при Диоклетиане (а может быть, и раньше), имела немалое значение для стабилизации политического положения. Прежняя ситуация, когда войска в расчете на щедрые выплаты при смене правителя с готовностью поддерживали узурпаторов,

была устранена упорядочением системы и сроков выплаты донатив, лучшим гарантом которых стал законный властитель (с. 58). Касается исследовательница и вопроса о вытеснении при первых Северах почетных *donna militaria* выплатой денежных сумм за воинские отличия (*praemia nummaria*). Причины этого явления она видит в том, что с течением времени традиционные боевые награды утратили свое идеальное значение. Вознаграждая воинские подвиги с помощью материального поощрения и повышений в чине, Северы шли навстречу потребности самих солдат и стремились преодолеть расхождение в характере награждения тех, кто находился на административной службе (и формально не мог претендовать на боевые награды), и тех, кто реально сражался (с. 59). Такое объяснение не кажется нам достаточно полным. Во-первых, задолго до начала III в. существовала практика поощрения отличившихся деньгами и чинами⁴, которая в целом успешно сочеталась с награждением венками и другими знаками отличия. Отсутствие в надписях I–II вв. н.э. указаний на связь между повышением и получением *donna* (на что ссылается Веш-Кляйн в прим. 90 на с. 59, оговариваясь, правда, что подобные примеры, в том числе и в надписях, известны для республиканского времени⁵), само по себе не означает, что повышение или денежный подарок не могли быть получены за проявленную доблесть вместо или вместе со знаками отличия. Во-вторых, нельзя игнорировать коренных изменений в базе рекрутирования, а также определенную связь между заметной переменой в практике награждений и эдиктом Каракаллы от 212 г., который, по сути дела, окончательно подорвал главный принцип традиционных наград – различие между воинскими формированиями из граждан и peregrinorum⁶.

Еще одним источником финансового обеспечения солдат были их сбережения, аккумулировавшиеся в кассе воинской части (*deposita, seposita, viaticum*) или вносившиеся в казну *collegia militaria*. Отмечая, что увеличить свои доходы военнослужащие могли также, вкладывая деньги в разного рода частные предприятия, отдавая их в рост, продавая какое-либо свое имущество или получая наследство, Веш-Кляйн поднимает вопрос о праве собственности солдат на военное снаряжение (§ 2.5) и недвижимость (§ 2.6). Выводы здесь достаточно осторожны. При имеющихся данных нельзя с полной определенностью утверждать, были ли солдаты собственниками или только владельцами оружия и военного снаряжения; скорее можно говорить все же о праве собственности, хотя с течением времени порядки могли меняться (с. 64–65). Разбор же юридических текстов о собственности солдат на землю позволяет заключить, что, несмотря на существовавший запрет приобретать или арендовать земельные участки в провинции по месту службы, имеющиеся оговорки указывают на позитивную в целом установку правительства в отношении собственности солдат на землю, которая могла служить и для вложения сделанных на службе накоплений, и для обеспечения средств к существованию после отставки. Земельные владения солдат и офицеров неизбежно расширялись в связи с развитием постоянной дислокации, местного рекрутирования и солдатских семейных союзов (с. 68–69).

Помимо осязаемых финансовых преимуществ служба в армии предполагала высококачественное по античным меркам санитарно-медицинское обеспечение (глава 3). Забота о здоровье солдат начиналась уже с этапа отбора новобранцев в соответствии с принятыми строгими критериями. Необходимые гигиенические условия в местах постоянной дислокации войск обеспечивались строительством бань; для лечения больных и раненых существовали лазареты; военнослужащим были доступны «государственные курорты» (правда, неизвестно, пользовались ли солдаты ими за деньги или бесплатно). Высокий уровень санитарно-медицинского дела в императорской армии, достигнутый при Августе, сохранялся и впоследствии: во всяком случае

⁴ Например, в армии Цезаря явный приоритет отдавался материально осязаемым видам наград (*Maxfield V.A. The Military Decorations of the Roman Army. L., 1981. P. 236*).

⁵ В надписях императорского времени подобного рода примеры тоже есть, хотя и очень редки (*Ibid. P. 237*).

⁶ *Ibid. P. 66, 126, 248, 253*.

жалоб солдат на плохое медицинское обеспечение не засвидетельствовано. Август не только стремился на деле быть заботливым патроном своих солдат, но правильно понимал и учитывал потребности профессиональной армии, укомплектовать которую новым качественным пополнением в любом количестве было невозможно. Кроме того, многие части несли службу далеко от родины, в непривычном климате. Не случайно первые лазареты появились примерно на рубеже нашей эры на северных рубежах Империи, где каждый боеспособный солдат представлял большую ценность. Говоря о медицинском персонале римской армии, автор обращает внимание на два момента. Во-первых, в его составе было немало гражданских лекарей, служивших по найму, которых, видимо, привлекало не только стабильное жалование, но и возможность расширить свои профессиональные знания. Во-вторых, среди военных медиков имела место достаточно развитая специализация: в надписях, например, упоминаются такие специалисты, как *chirurgus*, *ocularius*, *ophthalmicus*, *clanicus*, а также *marsi*, лечившие укусы змей и скорпионов (с. 82). Один из параграфов посвящен вопросу о досрочном увольнении солдат со службы по состоянию здоровья. Для вынесения обоснованного решения о *missio causaria* осуществлялась тщательная проверка с привлечением медицинских экспертов, что, впрочем, не исключено злоупотреблений, так как досрочная отставка давала право на получение всех ветеранских льгот. Поэтому при Каракалле было установлено, что *causarii* могли получить их лишь при условии 20 лет безупречной службы (С. 5. 65. 1) (с. 89–90).

В четвертой главе Веш-Кляйн, обращаясь к теме солдатского досуга, поднимает вопрос о том, в какой мере в римской армии вообще учитывалась потребность солдат в развлечениях. Удовлетворению этой потребности служили в частности возводимые в I в. н.э. специально для солдат амфитеатры, использовавшиеся не только для гладиаторских боев и травли зверей, но и для сценических и музыкальных представлений. Автор аргументированно возражает против распространенной в старых работах точки зрения, что артисты (*scaenici*), занятые в этих представлениях, считались регулярными солдатами в ранге *immunes* или *principales* (с. 93 сл., прим. 20). По ее мнению, этими артистами были либо гражданские лица, ангажированные на определенный срок, либо простые солдаты, которые в свободное время и с разрешения начальства выходили на сцену, чтобы развлечь своих сослуживцев. В § 4.2 речь идет о характере и условиях предоставления отпусков военнослужащим⁷.

Центральное место в монографии занимает пятая глава, охватывающая ряд разнообразных сюжетов: семейные союзы солдат и ветеранов, гомосексуальные связи, рабы и отпущенники солдат, контакты с гражданским населением, солдатские завещания. Особое внимание, уделяемое автором первому из этих сюжетов, вполне закономерно, учитывая те правовые, дисциплинарные и житейские коллизии, которые с созданием постоянной армии возникали в сфере семейно-брачных отношений солдат. Именно через эти отношения самым непосредственным образом осуществлялось взаимодействие армии с гражданским обществом, от них в немалой степени зависело комплектование войск, особенно в приграничных провинциях. Не случайно в последние годы эта тема вызывает повышенный интерес исследователей⁸.

⁷ Развернутому рассмотрению этого вопроса посвящена статья автора, которая опубликована во второй из рецензируемых работ и будет охарактеризована ниже.

⁸ См., в частности: Колобов А.В. Семейное положение римских легионеров в западных провинциях империи при Юлиях-Клавдиях // Вестник МГУ. Сер. 8. История. 1990. № 3. С. 54–63; Cherry D. The Marriage of Equestrian Officers in the Post-Severan Army // *Historia*. 1997. 46. P. 113–116; Debrunner Hall M. Eine reine Männerwelt? Frauen um das römische Heer // *Reine Männersache? Frauen in Männerdomänen der antiken Welt* / Hrsg. von M.H. Dettenhofer. Köln, 1994. S. 207–228; Roxan M. Women on the Frontiers // *Roman Frontier Studies. Proceedings of the XV-th International Congress of Roman Frontier Studies* / Ed. V.A. Maxfield, J. Dobson. Exeter, 1991. P. 462–467; Wells C.M. The Daughters of the Regiments: Sisters and Wives in the Roman Army // *Roman Frontier Studies. Proceedings of the XVI-th International Congress of Roman Frontier Studies* / Ed. W. Groenman-van Waateringe et alii. Oxf., 1997. P. 571–574; *idem*. Celibate Soldiers: Augustus and the Army // *AJAH*. 1998. 14. 2. P. 180–190.

Введенный при Августе запрет на вступление солдат в брак неизбежно нарушался. Как подчеркивает Веш-Кляйн, сексуальная жизнь солдат не ограничивалась общением с проститутками и кратковременным сожительством, солдаты были заинтересованы в длительных, прочных связях и располагали возможностями найти подходящую спутницу жизни еще во время службы. Эта тенденция все более усиливалась по мере того, как с конца I в.н.э. развивалась постоянная дислокация воинских частей (с. 100). Отмечая, что, в отличие от солдат *auxilia*, легионеры обычно не получали *ius conubii* с женщинами peregrinского статуса и гражданства для детей, появившихся на свет в период службы, Веш-Кляйн объясняет такое положение заинтересованностью властей в том, чтобы солдаты легионов женились на римских гражданках. Останавливается исследовательница и на тех последствиях, которые повлекло за собой официальное допущение солдатских браков Септимием Севером, и указывает, что браки солдат рассматривались не только как частное дело и составная часть гражданского права, но и толковались с точки зрения воинской дисциплины, что предполагало в частности ужесточение наказаний за некоторые проступки по сравнению с нормами, действовавшими в отношении гражданских лиц, например, в соответствии с *lex Iulia de adulteriis*. Правда, такого рода предписания⁹ автор без всякой аргументации связывает с моральными принципами Адриана, который своим рескриптом объявил недействительными завещания солдат в пользу женщин, известных своим вольным сексуальным поведением (D. 29.1.41.1). На наш взгляд, ближе к истине те исследователи, которые оценивают подобные нормы в контексте реставраторской политики Августа, стремившегося возродить традиционные представления о военной службе как почетной миссии¹⁰. Относительную численность женатых *de facto* солдат по имеющимся источникам подсчитать нельзя. Можно говорить лишь об определенной тенденции увеличения числа семейных союзов среди солдат и ветеранов от I к III веку (с. 108–109). Очевидно, что одним из факторов терпимого отношения военного командования к неофициальным солдатским бракам, а потом и официального их признания являлась потребность в подготовленном пополнении из числа солдатских сыновей, которые часто выбирали профессию отцов и, вероятно, поощрялись к такому выбору своими родителями (с. 109). К тому же со временем стало ясно, что храбрее сражаются те солдаты, которые защищают своих родных и имущество.

Автор выступает против высказывавшего мнения о широком распространении гомосексуальных связей среди римских солдат, не подтверждаемого источниками, и формулирует достаточно осторожный вывод, что сами по себе эти связи не возбранялись и воспринимались терпимо, если они не нарушали дисциплинарного порядка и общих ограничений морального плана (с. 111). Отмечая, что количество рабов относительно общей численности солдат и офицеров было очень незначительным¹¹, Веш-Кляйн указывает, что в постоянных лагерях и их округе имела налаженная хозяйственная инфраструктура, многие хозяйственные функции в римской армии выполнялись самими солдатами, а также их женами. Вполне вероятно также, что солдаты стремились освободить доставшихся им рабов, чтобы использовать отпущенников для получения дополнительного дохода, а отпущенницы могли стать конкубинами или женами солдат.

Контакты военных с гражданским населением автор подразделяет на четыре группы: контакты частного характера; помощь солдат своим родным общинам; контакты служебного рода и, наконец, контакты с негативными для гражданских лиц

⁹ Солдат, сговорившийся с любовником своей жены, наказывался увольнением со службы и пожизненной ссылкой, а воин, виновный в *adulterium*, подлежал позорной отставке, как и солдат, женившийся на вдове, зная, что у нее еще не истек срок траура (D. 3.2.2.3; 48.5.12 pr.; C.I. 2.11.5).

¹⁰ *Vendrand-Voyer J. Normes civiques et métier militaire à Rome sous le Principat. Clermont, 1983. P. 69 suiv.*

¹¹ Автор фактически исходит из того, что все рабы, известные в римской армии, частным образом принадлежали солдатам и офицерам. Однако есть свидетельства, что некоторые рабы могли быть причислены к отдельному легиону. См. *Roth J. The Size and Organization of the Roman Imperial Legion // Historia. 1994. 43.3. P. 354. Not. 60–66 с указанием литературы и источников.*

последствиями. Рассматривая первые, автор признает известную обособленность армии от гражданского населения и вместе с тем указывает на образование своеобразного «военного общества» в пограничных зонах. Констатируется также, что солдаты имели ряд общих интересов с населением Империи в целом (с точки зрения экономического благосостояния, безопасности и порядка), и в ситуации кризиса эти интересы могли иногда прийти в противоречие с требованиями воинского долга и повиновения императору. Опасность тесных связей военных с местным населением была хорошо известна, и в некоторых случаях против них принимались специальные меры. Так, для воинов городских и преторианских когорт и после реформы Септимия Севера сохранялся запрет на вступление в брак, а размещенный около Альба-Лонги II Парфянский легион был набран не в Италии, а из жителей придунайских провинций, в основном из Фракии (с. 124). В качестве одной из форм неофициальных контактов военных и гражданских лиц Веш-Кляйн рассматривает культовые объединения для почитания таких богов, как Юпитер Долихен и Митра¹².

Служба в армии не исключала прямого участия солдат и офицеров в жизни их родных городов. Приводя многочисленные свидетельства о членстве военных в *ordo decurionum* и об отправлении ими различных муниципальных должностей, автор справедливо указывает, что по самому характеру своей деятельности солдаты и офицеры, особенно те, кто служил в столице и ее окрестностях, имели разнообразные возможности помочь своим землякам в делах, связанных с обращением в высокие инстанции, а также при защите городов от разбойников или набегов. Отнюдь не случайно большинство надписей, в которых военные упоминаются как обладатели муниципальных званий, относится к III в., когда мирная жизнь многих городов нередко подвергалась серьезным опасностям и соответственно стали особо цениться сограждане, являвшиеся опытными командирами, способными защитить свою родину и оказать содействие в органах власти (с. 131). В разделе о контактах служебного рода дана краткая характеристика административно-полицейских функций армии: наблюдение за коммуникациями, поддержание порядка в городах, эскорт транспортов с товарами, содействие сбору налогов. С конца II в. выполнявшие эти задачи *stationarii* превращаются в постоянный институт, как и цензурионы-регионарии, которые часто брали на себя функции гражданских властей, рассматривая дела о различных правонарушениях – от воровства и личных оскорблений до убийств. Нисколько не затушевывает автор и тех беспокойств, тягот и угроз, которые создавались для гражданского населения всевозможными злоупотреблениями военных: грабежи, кражи, вымогательства и прочие бесчинства были не редкостью и в мирное, и в военное время. Жалобы населения на соответствующие факты, судя по данным источников, становятся особенно частыми со времени Северов. Завершает главу разбор вопроса о привилегиях солдат в сфере наследственного права, который имеет самое непосредственное отношение к теме социальных и брачных связей солдат. Вместе с тем, появление привилегии завещать по военному праву (*iure militari testari*) Веш-Кляйн резонно связывает со специфическими условиями военной деятельности (с. 144).

В шестой главе рассматриваются причины и факторы, приводившие к понижению или утрате военного и общественного статуса. В первую очередь к ним относятся те нарушения воинской дисциплины, которые наказывались разжалованием, понижением в чине, переводом в другой род войск или позорящей отставкой. В § 6.1 автор достаточно подробно, основываясь главным образом на юридических источниках, разбирает наиболее важные моменты и установки римского военно-уголовного права, а следующий параграф посвящает незаконному вступлению в войско и запретам на военную службу для определенных категорий населения, обращая внимание на

¹² Веш-Кляйн резонно возражает Р. МакМаллену, который рассматривал широкое обращение солдат в III в. к культуре Митры как показатель возрастающей варваризации армии (*McMullen R. Soldier and Civilian in the Later Roman Empire. Camb. (Mass.), 1963. P. 96 f.*). Она указывает прежде всего на отсутствие разрыва между идеалами этого культа и римскими ценностями (с. 121).

серьезность наказаний, грозивших тем, кто вступал в ряды войска, не имея на то права по своему социальному статусу (разные категории несвободных, так называемые *captivi redempti* и др.) или же вследствие совершенных преступлений и проступков (*infames*, осужденные или подсудимые). В данном случае, как и в некоторых других (§ 6.3, где речь идет об уклонении от военной службы), автор ограничивается аккуратным изложением материала источников, но не ставит вопроса об исторических истоках такой ситуации и никак не акцентирует вполне очевидного вывода: соответствующие правовые нормы были отражением и следствием сословно-правовой структуры римского общества, обуславливались также мощной инерцией традиционных установок в системе комплектования, от которых римляне отступали лишь в исключительных кризисных случаях. Военно-правовые проблемы поднимаются и в § 6.4, в котором рассматриваются такие воинские преступления, как самовольное оставление части и переход на сторону врага. Автор отмечает различия между понятиями *emansio* (невозвращение в срок из отпуска) и *desertio* и обращает внимание на появление примерно в середине III в. возможности для дезертиров, добровольно вернувшихся в часть, получить благодаря императорскому милосердию не только прощение, но также жалованье и донативы за время отсутствия (D. 49.16.10.1). Это поразительное великодушие Веш-Кляйн объясняет конкретной ситуацией того времени, когда в условиях частых войн и внутренних смут возросла потребность в опытных, обученных солдатах. Кроме того, отсутствие у дезертиров всякого шанса вернуться и восстановиться в правах вело бы только к увеличению шаек грабителей и бродяг (с. 168). В § 6.5 рассматриваются коллективные наказания, которым подвергались воинские части, принимавшие участие во внутренних конфликтах, а также влияние этих наказаний на судьбу и карьеру отдельных солдат. Конкретные документальные свидетельства и юридические тексты показывают, что в том случае, если победитель в междоусобном конфликте распускал части противника, на их солдат никакие индивидуальные кары не налагались и они могли вполне успешно продолжать служебную карьеру. Нередко войска побежденной стороны полностью прощались победителями в силу настоятельной нужды в солдатах, что особенно характерно для позднеантичного периода (с. 171).

В заключительном разделе главы поднимается вопрос о вероисповедании как причине неповиновения, конкретнее – о совместимости христианских убеждений и военной службы. Опираясь на солидную исследовательскую литературу, посвященную данной теме, Веш-Кляйн в общем-то повторяет хорошо известные выводы о том, что солдаты, исповедовавшие христианство, обычно специально не увольнялись из армии, но наказывались лишь в тех случаях, когда их взгляды влекли проступки против воинской дисциплины. Отношение самой церкви к военной службе и после превращения христианства в государственную религию сохраняло определенную двойственность, но постепенно стало общепризнанным одобрительное отношение к вступлению христиан в армию (с. 177).

Изложение многоаспектной темы «Возвращение к гражданской жизни» в седьмой главе автор начинает с вопроса о порядке увольнения со службы, ибо для интеграции бывшего солдата в гражданскую жизнь важное значение имела форма отставки. Ее пожалование было прерогативой императора, но обычно он делегировал эту функцию своим наместникам. Правда, далеко не всем солдатам суждено было получить положенные при отставке *praemia militiae*. Как показывают современные исследования, почти 40% солдат не доживали до истечения срока службы, а примерно 10–15% увольнялись по медицинским или дисциплинарным причинам. При этом средняя продолжительность жизни военнотружущих не превышала или почти не превышала соответствующего показателя среди гражданских лиц (с. 184, прим. 29). Любопытно, что солдаты расположенных в Риме частей имели меньшую продолжительность жизни, чем служившие в провинциях, что объясняется, по всей видимости, менее здоровым образом жизни в столице. Во 2-м параграфе Веш-Кляйн подробно рассматривает эволюцию размеров и форм *praemia militiae*. Констатируя неизменность базов-

вой суммы денежной премии, автор правильно указывает, что в принципе императоры могли увеличить или снизить соответствующие выплаты, а то и вовсе исключить из числа их получателей солдат вспомогательных войск, флота и нерегулярных отрядов, как нередко случалось до III в. (с. 186). Вполне обоснованно звучит вывод о меньшей популярности среди солдат земельного вознаграждения (*missio agraria*), особенно если наделение земель происходило не индивидуально, а путем выведения ветеранских колоний. По мнению автора, причины этого недовольства заключались в недостаточно хорошем качестве выделяемых земель, в смешении в одной колонии ветеранов из различных частей, в нежелании солдат разлучаться с привычным окружением и отправляться в отдаленные края. Такое нежелание, видимо, чаще возникало среди солдат, успевших обзавестись семьей (с. 187). Однако, несмотря на прекращение при Адриане выведения ветеранских колоний, наделение солдат землей продолжалось и даже активизировалось в эпоху Северов, когда ветераны получали земельную собственность в местах, имевших значение для обороны Империи, и составляли здесь опору римской политики, внося немалый вклад в снабжение стоявших здесь частей. Этим же целям служили также наделение военных поселений рядом привилегий и повышение до статуса колоний бывших легионных стоянок (с. 190).

В заключительном параграфе главы анализируются три блока вопросов: ветеранские привилегии, занятия ветеранов и их участие в муниципальной жизни. Вышедшие в почетную отставку солдаты получали одинаковые правовые и налоговые привилегии независимо от рода войск и места проживания после службы. К важнейшим преимуществам ветеранского «сословия» безусловно относилось освобождение от всех налогов, пошлин и повинностей, которым еще со времени Августа пользовались также жены, дети и родители ветеранов. Правда, начиная с III в. число лиц, причастных к этим льготам, сокращается. Налоговые льготы ветеранов не распространялись на *vestigalia*, установленные той общиной, членами которой они становились, а также на обязанности, связанные с членством в *ordo* и занятием почетным должностью. По справедливому замечанию Веш-Кляйн, предоставляемые ветеранам иммунитеты не следует рассматривать как абсолютные преимущества, ибо ветераны, начинавшие новую жизнь в условиях надвигающейся старости, действительно нуждались в определенных экономических льготах. Ветеранские иммунитеты можно назвать вторым *praemium militiae* (с. 193). Несмотря на то что оба вида вознаграждения за долгую службу составляли вместе с накоплениями солидный фундамент материального благополучия¹³, многие ветераны искали дополнительные источники дохода, обращаясь к занятиям ремеслом, торговлей, сельским хозяйством. К интересным выводам приходит Веш-Кляйн, рассматривая роль ветеранов в муниципальной жизни. На основе имеющихся материалов нужно признать, что даже в «военных провинциях» ветераны не были представлены в официальной жизни городских общин пропорционально своей численности в составе провинциального населения. Среди декуррионов и местных магистратов число ветеранов относительно невелико, причем цифры существенно разнятся от провинции к провинции (с. 196–197). Причиной незаинтересованности абсолютного большинства ветеранов в муниципальных должностях автор считает прежде всего связанные с ними финансовые тяготы, но указывает и на другие мотивы (достаточно преклонный возраст многих ветеранов, а в случае с солдатами *auxilia* – антипатия старой муниципальной верхушки к новым гражданам). Анализ документальных свидетельств позволяет заключить, что ветераны, занимавшие почетные должности в общинах, обычно были оттуда родом или имели там родственные связи, так что в Совет и на должности они нередко попадали, следуя семейной традиции. Даже в ветеранских колониях городской Совет, первоначально состоявший из ветеранов, достаточно скоро начинал пополняться

¹³ По подсчетам Л. Виршовски, одни только *praemia militiae*, размещенные под 6% годовых, могли в течение 14 лет приносить годовой доход в 300 денариев, что значительно превышало прожиточный минимум (столько получал рядовой легионер со времени Домициана) (*Wierschowski L. Heer und Wirtschaft: Das römische Heer der Prinzipatszeit als Wirtschaftsfaktor. Bonn, 1984. S. 89 f.*).

совсем другими людьми, и среди местных магистратов оказывалось очень немного потомков бывших солдат (с. 199). С III в. резко сокращается участие в муниципальной жизни даже бывших примипалов, располагавших весьма крупными денежными средствами. При тех экономических трудностях, с какими сталкивались многие города, и обременительности почетных должностей исчезает характерное для предшествующих веков стремление дополнить достигнутый на военной службе почет адекватной муниципальной должностью. Убедительно звучит и вывод о том, что в сельских регионах ветераны занимали гораздо более значимое социальное положение, благодаря своему привилегированному правовому статусу, уровню доходов, полезным связям. Но в конечном счете, замечает автор, выбор места поселения и интеграция ветерана в новое социальное окружение зависели от него самого, его личных качеств (с. 200).

Среди выводов, суммированных в «Заключении» и недостаточно акцентированных в основной части работы, выделим следующие. Текст монографии действительно убеждает, что привлекательность службы в императорской армии основывалась прежде всего на образцовой для античного мира системе материальных и социальных гарантий воинской профессии (с. 201). Основные параметры этой системы были заложены мероприятиями Августа, которые в значительной мере диктовались необходимостью преодолеть ту чрезвычайно опасную ситуацию, что сложилась в конце Республики, когда недовольные своим положением солдатские массы легко склонялись на сторону полководцев, обещавших им в обмен на верную службу высокие награды. Разместив легионы в подчиненных ему провинциях и монополизировав предоставление солдатам различных *beneficia*, Август по существу лишил потенциальных конкурентов контроля над армией и вместе с тем обеспечил себе прочную лояльность и уважение солдат. И хотя рамочные условия военной службы были официально упорядочены, император сохранял свободу в назначении различных выплат и льгот, в определении сроков службы и т.д. Поэтому солдаты были в конечном счете предоставлены благосклонности принцепса, а она лучше всего обеспечивалась послушанием и служебным рвением (с. 208).

Оценивая монографию в целом, следует подчеркнуть, что автору удалось свести огромный фактический материал в достаточно полный, удобообозримый, структурно продуманный компендиум, основанный на прекрасном знании источников, прежде всего документальных, и учете результатов новейших исследований. Работу отличает предельная аккуратность и осторожность выводов, которые не вызывают никаких серьезных возражений, тем более, что автор, по-видимому, сознательно предпочитает добротный фактологический подход концептуальным интерпретациям и в основном следует *opinio communis*, не вступая в развернутую полемику по отдельным спорным проблемам. Самое серьезное замечание, какое можно сделать, сводится к тому, что некоторые вопросы в книге трактованы чересчур бегло, подчас скороговоркой (в частности демографические аспекты армейского «социума», эволюция *rescūtium castrense*, роль добычи в солдатских доходах), а ряд аспектов, органически связанных с проблематикой монографии, по непонятным причинам оказался вне поля зрения автора (например, почти ничего не сказано о воинских коллегиях и *scholae*, о ветеранских сообществах, об отношениях в малых группах внутри армии, воинском товариществе). Разумеется, подобные претензии неизбежны при чтении обобщающих работ, ни одна из которых не может полностью исчерпать и равномерно осветить все сюжеты и проблемы, тем более по такой теме, как социальная жизнь римской армии.

О том, насколько неисчерпаема данная тема, какие исследовательские подходы и задачи реализуются в ее рамках, наглядно свидетельствует второй рецензируемый труд. Его редакторам удалось собрать весьма представительный интернациональный коллектив исследователей, многие из которых давно известны плодотворной разработкой ключевых направлений в истории римской императорской армии. Большинство авторов посвятили свои статьи тем проблемам, которые находятся непосредственно в русле их главных интересов и специализации. Солидный по объему

том включает 25 статей на четырех европейских языках, снабжен иллюстрациями, картами и подробными индексами. Сборник состоит из четырех разделов: 1. Армия в социальной и экономической структуре Imperium Romanum; 2. Отдельные ранговые группы в армии и их социальные связи; 3. Армия и общество в отдельных частях Римской империи; 4. Varia. Проблематика исследований, даже в рамках одного раздела, исключительно разнообразна, но, как подчеркивают сами редакторы в предисловии, полного охвата всех провинций и всех важных аспектов достичь не удалось, поскольку не все коллеги, чье участие планировалось, смогли представить работы (с. 7). В сборнике, посвященном памяти Э. Бёрли, столь много сделавшего для изучения римской Британии, особенно бросается в глаза отсутствие работ по этой провинции (британская проблематика косвенно затрагивается только в статье Д. Бриза).

Первый раздел открывает статья Л. де Блуа «Армия и общество в Поздней Римской республике: профессионализм и роль среднего командного состава» (с. 11–31). Автор поднимает ряд важных взаимосвязанных вопросов о характере профессионализации позднереспубликанской армии и ее командных кадров, об обусловленности особой политической роли центурионов и военных трибунов их социальным статусом и военными функциями. Сравнивая ситуацию середины II в. до н.э. с той, которая сложилась после преобразований Мария в ходе гражданских войн, де Блуа констатирует, что профессионализм армии Поздней республики не был профессионализмом наемников, но профессионализмом многолетней военной практики и рутины. Солдаты, ставшие почти профессионалами (*near professionals*), оставались вооруженными гражданами, но благодаря длительной службе в отдаленных странах и общим материальным интересам превратились в сплоченные гомогенные группы с развитыми горизонтальными связями и знали своих офицеров лучше, чем своих патронов в Риме. Такие солдаты не были простым орудием в руках отдельных военных лидеров. Чтобы обеспечить лояльность войск и использовать их в политической борьбе, лидерам необходимо было поддерживать хорошие отношения со своими офицерами, через которых только и возможно было оказывать влияние на солдат. Особая роль средних командиров, по мысли исследователя, обусловлена также тем, что в I в. до н.э. они уже в большинстве своем не были тесно связаны со старой сенаторской и всаднической элитой, но происходили из италийских землевладельцев, ведущих муниципальных семейств и даже провинциалов. Их возвышение зависело в первую очередь от полководца, за которым они поэтому готовы были следовать в гражданской войне, особенно если их собственные интересы оказывались под угрозой. Примечательно, что в политических успехах Октавиана умелое манипулирование командными кадрами было очень важным фактором. Октавиан был в этом плане наиболее изобретательным лидером и, став принцепсом, продолжал рекрутировать свои военные кадры из этих *domi nobiles*.

Следующая далее статья Г. Альфельди «Армия в социальной структуре Римской империи» представляет собой частично переработанный и дополненный ссылками на новую литературу вариант работы, написанной еще в середине 80-х годов XX в.¹⁴ Основные положения этого содержательного очерка можно суммировать следующим образом. В период Ранней империи иерархия внутри военной организации отражала почти во всем многообразии социально-правовую стратификацию древнего Рима, и *exercitus Romanus* представлял все население державы в его «горизонтальном разрезе». Воспроизводя и определенным образом корректируя общественную структуру, армия скрепляла разные части державы и являлась эффективным властным орудием в руках императоров. В то же время состав вооруженных сил был настолько гетерогенным в социальном, правовом и этническом отношениях, что самостоятельных политических действий, «единого фронта» армии против императорской власти можно было не опасаться. Однако уже во II в. начинается процесс, который

¹⁴ Alföldy G. Das Heer in der Sozialstruktur des Römischen Kaiserreiches // *Idem*. Römische Heeresgeschichte: Beiträge 1962–1985. Amsterdam, 1987. S. 26–46 (Mavors III); *idem*. Heer und Gesellschaft im Römischen Kaiserreich // AAASH. 1989 [1992]. 32. S. 169–187.

приводит к тому, что армия из органической части общества превращается в некое чужеродное образование, внутренне более единое, чем раньше, несмотря на все ранговые различия внутри нее. Традиционная общественная иерархия утрачивает в армии свое значение, военная служба открывает новые возможности социального продвижения в обход старых правил. По словам Альфельди, высшей должностью, на которую теперь мог претендовать рядовой солдат, был уже не примипилат, но императорская власть (с. 46). Усиление военщины в III в. оттеняет не только полное безвластие сената, но и бессилие гражданского населения вообще. Развитие самостоятельности армии внутри социальной структуры Империи, по мнению автора, в значительной мере связано с тем, что база рекрутирования постепенно сузилась до военных районов и их тыла. Переход к такому рекрутированию способствовал распространению наследственности военной профессии и возникновению в приграничных зонах своеобразного, относительно гомогенного «военного общества», состоявшего из солдат, ветеранов, их родственников и связанного с ними разнообразными узами местного населения. В результате этого процесса между военными районами и остальными частями Империи разверзлась пропасть. Этим обособлением армии во многом объясняется ее возросшая политическая активность в период кризиса III в., причем политические перевороты часто были следствием соперничества между различными «военными обществами». К статье приложен небольшой экскурс «К вопросу о солдатских семействах» (с. 53–55), в котором Альфельди опровергает идею Р. Сэллера и Б. Шоу о том, что в разных частях Империи склонность солдат к созданию семейных союзов сильно различалась в связи с различиями в системе рекрутирования¹⁵. По мнению немецкого ученого, эта теория возникла из-за игнорирования авторами статьи хронологии привлеченных надписей (с. 54).

В статье Д. Бриза поднимается вопрос об организации снабжения римской армии и в частности о роли военного флота в обеспечении размещенных в Британии войск (с. 59–64). Отсутствие прямых документальных данных, по мнению автора, не позволяет согласиться с точкой зрения, что *classis Britannica* выполнял эту роль в мирное время подобно тому, как это было на Рейне, хотя такая версия в принципе не исключается. Потребности солдат как потребителей стимулировали проведение торговых операций на дальние расстояния, и если сами военные и их гражданские поставщики использовали подрядчиков для доставки необходимых товаров, то вполне возможно, что такие перевозчики доставляли смешанные грузы, включавшие как официальные поставки для нужд армии хлеба, так и неофициальные товары, находившие спрос у военных (керамическую посуду в частности). Доставка этих товаров определялась рыночными факторами, однако поставщики паразитировали на торговых путях, предназначенных для государственного снабжения.

Завершает первый раздел статья М.А. Спейдла (Младшего) «Жалование и материальное положение римских солдат» (с. 65–94). По мысли автора, важнейшим мероприятием Августа, нацеленным на то, чтобы привязать солдат к собственной персоне, стало создание своего рода договора о службе (*condicio*), учитывавшего как возможности государственного бюджета и императорской казны, так и материальные потребности военнослужащих. В главных своих параметрах, в том числе тех, которые касаются разрядов жалования, договор остался неизменным вплоть до III в. Особенно интересны соображения Спейдла по такой дискуссионной проблеме, как соотношение размеров жалования в разных родах войск и у воинов разных званий на протяжении трех веков принципата. Автор еще раз уточняет свои собственные подходы и доводы, вступая в полемику с Р. Алстоном, который в частности выдвинул тезис о том, что Августом было введено для всех рядовых солдат единое базовое жалование¹⁶. Ана-

¹⁵ Saller R.P., Shaw B.D. Tombstones and Roman Family Relations in the Principate: Civilians, Soldiers and Slaves // JRS. 1984. 74. P. 124–140.

¹⁶ Speidel M.A. Roman Army Pay Scales // JRS. 1992. 82. P. 87–105; Alston R. Roman Military Pay from Caesar to Diocletian // JRS. 1994. 84. P. 113–123.

лизируя сводку сохранившихся документов с упоминанием *stipendia*, датируемых от 38 до 306 гг. н.э., Спейдл исходит из того, что ввиду скудости и неоднозначности имеющихся данных их необходимо рассматривать в рамках более широкой модели жалования, учитывающей ранговые различия родов войск, повышения и перемещения по службе. Предлагаемая сводную таблицу размеров жалования по родам войск и служебным рангам от Августа до Максимиана Фракийца, автор подчеркивает, что некоторые цифры являются гипотетическими, не имея пока прямого подтверждения в источниках (с. 83). Что касается общей оценки материального положения солдат, то она не может быть высокой, если сравнивать солдатское жалование с оплатой труда наемных работников в Риме. Правильнее было бы, считает исследователь, сравнивать *stipendium* с вознаграждением наемного труда в провинциях, где оно было в несколько раз меньше, чем в столице, а главное, надо учитывать, что привлекательность военной службы обеспечивалась не столько размерами жалования, сколько прочими выгодами и льготами. Судя по юридическим текстам и документам, в которых солдаты фигурируют как участники разного рода сделок и имущественных отношений, во II – начале III в. военнотружущих можно отнести к категории зажиточных людей. В целом материальное благосостояние солдат росло, чему способствовало не только повышение жалования и дополнительных выплат, но и сокращение различных вычетов. Вместе с тем, в условиях растущей инфляции увеличение денежных выплат не могло обеспечить стабильного материального положения и гарантировать полную лояльность войск императору.

Статья Энтони Бёрли «Сенаторы как генералы» (с. 97–119), открывающая второй раздел, представляет собой хорошо аргументированную реплику в уже давно ведущейся дискуссии о «профессионализме» римских «генералов»¹⁷. По существу автор выступает против достаточно распространенного взгляда на высших военачальников из числа сенаторов как на любителей (*amateurs*). Подробный анализ упоминаний в литературных источниках так называемых *viri militares* и просопографических данных о военных карьерах членов сенаторского сословия приводит Бёрли к выводу, что при принципате, как и в период Поздней республики, существовала особая категория сенаторских «генералов», которые много лет отдавали службе в армии. В отличие от республиканского времени при Империи для должностной карьеры не требовалось десяти лет военной службы (*decem stipendia*) и возможности для ранней подготовки молодых нобилей к военной деятельности сократились, поэтому должность военного трибуна-латиклавия не была пустой формальностью для будущих военачальников. Немаловажным представляется автору и тот факт, что сенаторы (в том числе *homines novi*), как и назначаемые на командные должности всадники, происходили из семей крупных землевладельцев, имевших десятки и сотни слуг, рабов и клиентов, и уже в силу своего воспитания имели понятие об управлении¹⁸. Примечательно также, что консулярские легаты военных провинций чаще происходили из относительно новых семейств (т.е. были если не первыми сенаторами в роду, то во всяком случае первыми достигшими консулата), тогда как выходцы из старинных семейств чаще становились наместниками в относительно мирных провинциях (с. 117–118).

В статье «*Iteratio Militiae*» (с. 121–138), написанной С. Демужэн, известным специалистом по всадническому сословию раннеимператорского времени, рассматривается механизм повышений и переводов из одной части в другую офицеров-всадников и ставится вопрос об их месте в военной иерархии. Демужэн обращает внимание на случаи повторения (*iteratio*) постов одного ранга на разных этапах всаднической военной службы (*militia prima, secunda, tertia* и *quarta*) и пытается выявить их смысл и значение. По предположению автора, повторные назначения в условиях нехватки вакантных высоких постов могли применяться в качестве паллиатива и оцениваться

¹⁷ Cp. Birley A.R. *Locus virtutibus patefactus? Zum Beförderungssystem in der Hohen Kaiserzeit*. Opladen, 1992.

¹⁸ Cp. Ibid. S. 16. Anm. 40 (со ссылкой на замечание H. von Petrilovits).

как позиция ожидания (с. 131–132). На уровне *militia tertia* повторение, возможно, было связано с желанием некоторых всадников сразу после военных постов перейти на гражданскую службу в качестве прокураторов. Элиту всаднического офицерства составляли те, кто достигал *quarta militia*. Они, проходя обычно полный круг военной карьеры без задержек, имели больше шансов занять административные прокураторские посты, нежели их коллеги, задерживавшиеся на отдельных должностях, хотя в реальности индивидуальные ситуации были сложнее. Как отмечает Демужэн, далеко не все всаднические офицеры могли претендовать на вступление в *equestris nobilitas*. Среди них было немало тех, кто действительно ценил пребывание в лагере, развивал свои военные склонности. Переходя из части в часть и по несколько раз получая назначение в одном и том же чине, они добивались в конечном счете успеха, несмотря на относительную нехватку постов, и были наиболее надежными опытными кадрами, которые имели тенденцию к профессионализации, хотя и не могли соперничать в этом отношении с центурионами (с. 137). Не следует забывать, подчеркивает автор, что методы отбора и назначения на командные посты были связаны с персональными отношениями, с действием механизма рекомендаций. Поэтому в той мере, в какой назначения на всаднические должности находились в руках наместников, занимаемый пост определялся личными связями кандидата с носителями власти. Но именно так формировалась категория настоящих командиров, превосходивших по опыту тех своих коллег, которые быстро проходили все ступени, но никогда не получали высший чин *militia equestris* – престижную префектуру алы.

Б. Добсон в статье «Примипилары в армии и обществе» (с. 139–152) ставит перед собой цель еще раз указать на значение этой армейской элиты¹⁹. Приводя ряд новых свидетельств, он выдвигает на первый план нерешенные проблемы: размеры жалования и срок пребывания примипилов в этой должности, сущность поста *primipilus itegum*, преимущества, которые давали кандидатам на данный чин происхождение, служба в гвардии, прямое назначение в центурионы. По словам автора, примипилат был заветной целью каждого центуриона и каждого солдата, имевшего шанс стать центурионом. За его достижение разворачивалось нешуточное соперничество, ибо сама по себе долгая служба не гарантировала успеха. Особый статус примипилов подчеркивался выходным пособием (*praemium militare*), вчетверо превышавшим *praemia* простых центурионов, и почетным титулом *primipilaris*, который, как и титул *consularis*, отмечал достижение особого положения в служебной иерархии. Добсон четко формулирует свои позиции по нерешенным проблемам, хотя и отдает себе отчет, что недостаточность источников не позволяет высказать окончательные суждения. Так, годовое жалование примипила он считает равным 60 тыс. сестерциев (с повышением при Домициане до 100 тыс.), критикуя аргументацию и вывод М.А. Спейдла, определяющего эти цифры соответственно как 54 и 72 тысячи на основе постулируемого им соотношения 60 : 1 к жалованью рядового легионера. В отсутствие твердых данных Добсон все же полагает, что пост примипила занимался только в течение одного года, хотя в период Ранней империи примипилат мог предоставляться и два и даже три раза. Нет ясности и в вопросе о том, что делали примипилы, оставшиеся на службе после годовичного пребывания в должности. Открытым остается также вопрос о том, могли ли центурионы по собственному желанию выйти в отставку, отслужив основной срок. Чтобы стать примипилом, центуриону требовалось прослужить от 15 до 30 лет, и достижение этого звания ранее 50-летнего возраста оценивалось, очевидно, как исключение. Трудно сказать что-то определенное о влиянии *origo* примипилов на их карьеру, но вероятно, что среди них было больше италийцев по происхождению, а также бывших преторианцев и воинов, начинавших свою службу сразу с поста центуриона. Однако очень многие *primipili* начинали службу рядовыми легионерами.

¹⁹ Автор уже полвека занимается *primipilares*, внимание к которым привлек еще его учитель Эрик Бёрли. Итогом этих штудий стала известная монография: *Dobson B. Die Primipilares. Entwicklung und Bedeutung, Laufbahnen und Persönlichkeit eines römischen Offiziersranges. Köln-Bonn, 1978.*

Что касается поста *primuspilus iterum*, то, несмотря на некоторые новые надписи, он остается загадкой. Если в своей монографии автор пытался разубедить этот Гордиев узел, предположив, что *primuspilus iterum* выполнял обязанности префекта лагеря, но только с более высоким жалованьем, то теперь он склонен видеть главную цель этого поста в том, чтобы служить мостиком к прокураторским должностям (с. 149). Роль примипиларов в жизни муниципиев определялась прежде всего их богатством, которое позволило им быть патронами, занимать высшие должности и могло быть поставлено на службу их землякам. Подчеркивает Добсон и узы военного братства, связывавшие примипиларов, и их роль как своего рода резерва многоопытных кадров, которые могли выполнять различные административные должности и специальные поручения. Опыт и лояльность примипиларов были очень важны для императоров, которые в ряде случаев предпочитали их офицерам-всадникам.

Дж. Манн в небольшой статье «*Honesta missio* из легионов» (с. 153–161) обращает внимание на редкость указаний в эпитафических документах на получение отставки непосредственно от императора (еще реже – только в исключительных случаях – встречаются дипломы, подтверждающие почетную отставку легионеров), тогда как есть немало свидетельств, в которых лицом, предоставляющим *missio*, назван командующий той армии, где служил ветеран. Появление специальных императорских конституций о даровании почетной отставки автор объясняет тем, что подобные сертификаты требовались солдатам, которые при поступлении в легионы были перегринами и по возвращении к гражданской жизни нуждались в подтверждении приобретенного статуса римских граждан. Обычные же легионеры, несмотря на изменения в политике рекрутирования во II в., продолжали, в отличие от солдат вспомогательных войск, считаться вооруженными гражданами, которые, выполнив долг, возвращались домой и не нуждались ни в каких особых средствах для подтверждения своего статуса.

В своей статье «Виды имен, используемых солдатами вспомогательных войск в период Раннего принципата» (с. 163–178) Д. Сэддингтон исходит из того, что ономастика не только указывает (хотя далеко не всегда) на социально-правовой статус военнослужащих, но отражает и другие аспекты римской социальной жизни. Анализ литературных и документальных свидетельств, учитывающих региональное своеобразие западной и восточной частей Империи, приводит исследователя к ряду интересных выводов. У солдат-ауксилиариев не существовало единой модели именования, очень многое определялось личными вкусами, конкретными обстоятельствами времени, места и характера рекрутирования, социокультурным окружением в период службы и после нее. На западе Империи большинство солдат продолжали использовать свое перегринское имя, данное им при рождении. В восточных областях, Африке и особенно в Египте ауксилиарии, еще не получив гражданства, иногда носили звучные римские *tria nomina*, которые получали при записи на службу, чтобы облегчить общение внутри воинской части (*regimental communication*). Поэтому, подчеркивает Сэддингтон, лишь указание на трибу может быть неоспоримым критерием наличия гражданства. Выбор имени был фактором ассимиляции в ту или иную общину и сохранения связи с родиной. Показательно, что, став гражданами, ветераны фактически нигде не упоминали трибу, к которой были официально приписаны, но указывали свое племя (*patro, gens*) или родной город (*domus, origo*). По мнению автора, выбор солдатами латинских *cognomina* для себя и своих детей, как и воздвижение дорогих надгробий, свидетельствует о широко распространенном стремлении социально-мобильной части провинциалов усвоить как можно больше элементов доминирующей культуры.

Завершает второй раздел небольшой очерк М. Редле «Моряки», посвященный нижней категории в структуре римских вооруженных сил (с. 179–189). Автор останавливается в первую очередь на системе чинов и званий, существовавших на флоте, указывая, что наличие здесь настоящего *Rangordnung*'а, основанного на тех же принципах, что и в сухопутной армии, свидетельствует об интеграции в результате преоб-

разований Августа моряков в единый организм вооруженных сил. Моряки, выходявшие в отставку, получали те же привилегии, что и солдаты *auxilia*; со II в. некоторые *classici* могли переходить в армейские части, а отдельные командиры достигали центурионата в легионах. Об этническом составе моряков позволяют судить главным образом надписи из Мизена, которые указывают в большинстве случаев на выходцев из Египта (23%), Азии (170), Фракии (16%) и Сардинии (11,5%) (с. 187). Служба в императорском военном флоте, несмотря на ее суровый характер и невысокий престиж, являлась для выходцев из низших слоев общества реальным средством социального возвышения.

Третий раздел, посвященный различным аспектам взаимодействия армии и общества в отдельных частях Империи, занимает более половины книги и включает 11 работ. Первая из них – «*DOMO ROMA. Вклад столицы в войска, размещенные на границах, и в городские части (эпоха Империи)*» – принадлежит Ц. Риччи. В центре внимания автора – анализ корпуса из 40 надписей с упоминанием 80 военнослужащих разных рангов родом из Рима. Большинство персонажей, фигурирующих в этих документах, составляют всаднические офицеры. Бросается в глаза прежде всего общая немногочисленность тех солдат и офицеров, которые указывают свое происхождение из Рима (*domo Roma*). По мнению Риччи, это отчасти связано со случайностью находок, а отчасти с тем, что указание на *origo*, подчеркивая свою привязанность к родине, делали те, кто по роду своей деятельности много перемещался по территории Империи. Как осторожно заключает автор, столичное происхождение в императорскую эпоху представляло дополнительные возможности для военной карьеры офицеров, поэтому оно указывалось не только на надгробиях, но и в посвященных или почетных надписях, т.е. в публичном контексте, чтобы подчеркнуть не сам факт обладания *civitas*, но именно особый престиж принадлежности к уроженцам Рима, который сохранялся и в III в., когда вступление в армию жигелей Рима сильно сократилось (с. 205).

Я. Ле Боек в статье «Социально-политическая роль римской армии в африканских провинциях» (с. 201–226), учитывая и оценивая результаты новейших исследований, появившихся за десятилетие после выхода его фундаментальных монографий²⁰, разбирает широкий круг общих и конкретных проблем: участие африканских частей в политических событиях, дислокация римских сил в различных областях Магриба, социально-этнический состав контингентов, разнообразные аспекты взаимоотношений армии с местным населением, функции зоны лимеса и т.д. Среди заслуживающих внимания выводов автора отметим следующие. В североафриканских гарнизонах служило много выходцев из других провинций, но и сама Африка всегда снабжала рекрутами различные войска империи. Судя по данным археологических исследований, для гражданского населения и военных был характерен плодотворный симбиоз. Именно военные зоны представляли собой секторы наибольшего экономического благосостояния и романизации (с. 226).

Прекрасной демонстрацией тех широких возможностей, которые открываются перед исследователями благодаря находкам в Африке, является статья Р. Реббуфа «Римская армия в Голайе» (с. 227–259). В ней рассматриваются различные стороны жизни небольшого римского гарнизона, несшего службу в отдаленной крепости в Gholaia (совр. Bu Njem в Триполитании). Богатые археологические данные, а главное 35 надписей, более 150 острака²¹ и около 40 настенных граффити, относящиеся к 201–263 гг., позволяют с исключительной конкретностью судить о повседневной служебной рутине, социально-этническом составе гарнизона, верованиях, ценностях

²⁰ *Le Bohec Y. La III-e légion Auguste. P., 1989; idem. Les unités auxiliaires de l'armée romaine en Afrique et Numidie sous le Haut-Empire. Aix-Marseille, 1989.* О первой из этих работ см. нашу рецензию: ВДИ. 1995. № 1. С. 211–218. Обширная библиография, приведенная в рассматриваемой статье, подтверждает неисчерпаемость африканских материалов и неослабевающий исследовательский интерес к военной истории Северной Африки.

²¹ Их публикацию см. *Marichal R. Les ostraca de Bu Njem. Tripoli, 1992.*

и интересах служивших здесь примерно 500 солдат и офицеров (они входили в *вексилляцию III Августова легиона* и один *numerus вспомогательных войск*). Свой очерк Реббуфа начинает с подробного анализа ономастики²², в которой обнаруживается немало ливийских, пунийских, сирийских и арамейских имен, а также этнических наименований. Некоторые из когноменов имеют латинскую форму, но являются переводом африканских имен. Обращает на себя внимание наличие «республиканских», как выражается автор, имен: *Aemilius, Caecilius, Fabius, Pompeius* и т.п., а также весьма своеобразных сочетаний вроде *Emilius Flaminus (sic), Cornelius Annibal, Tullius Romulus*, которые, вероятно, давались новобранцам армейскими чиновниками, не лишенными чувства юмора и познаний в римской истории, чтобы избежать надоедливой омонимии (с. 233). В целом же основную часть гарнизона составляли африканцы, более или менее романизированные, многие из которых получили гражданство при вступлении в ряды армии. В более чем 60-летней документированной истории гарнизона неизвестно ни одного заметного военного эпизода или инцидента, хотя крепость в *Gholaia* контролировала значительное пространство (примерно 250 на 300 км), причем контроль этот был исключительно мелочным. Внутри самого гарнизона и далее по инстанциям циркулировал непрерывный поток писем и тессер. До нас дошли 62 ежедневных рапорта, в которых перечислены самые разнообразные индивидуальные и групповые поручения и наряды солдат, указаны имена больных и подвергнувшихся взысканиям. Хорошо сохранившиеся лагерные постройки: *principia* со знаменным святилищем и подвалом, залы собраний, трибунал, двор с алтарем в центре, *scriptorium* со скамьями и *люпитром*, а также остатки храмов, находки амфор и остеологические материалы – все это дополняет весьма наглядную картину повседневного быта. Религиозная жизнь гарнизона отличалась большим разнообразием и насыщенностью. Руками солдат были возведены храмы ливийским богам, Юпитеру Хаммону, Марсу *Саппаргах'у*, Ванаммону и еще одному неизвестному божеству. В часовне претория обнаружено посвящение Гению Голайи и *numini praesenti*, а в принципии – Гению *вексилляции*; почитались также *numina invicta, Fortuna sancta, Salus, Sol invictus*. Что касается культурного уровня солдат и офицеров, то о нем в первую очередь свидетельствуют письменные документы, написанные на латыни, иногда с довольно смелой фонетикой и сокращенным синтаксисом, но вполне понятные. Отдельные солдаты, по-видимому, имели некоторые познания в литературе, а *центурионы* даже сочиняли стихи *ямбическим сенаром* и *гексаметром*²³. Характеризуя идеологические, ценностные приоритеты солдат из Голайи, автор справедливо подчеркивает, что служба на отдаленном пограничном посту развивала дух солидарности и ответственности за порученное дело, которое было делом Рима, *opera aeternalis*, как выражается один из *центурионов* в стихотворной надписи. Сами воины прославляли свою *virtus*, неразрывно связанную с их *vigor, devotio* и *zelus*, и желали, чтобы император видел в них *fortissimi milites ex limite tripolitano*.

В статье П. Ле Ру «Армия и общество в Испании в период Империи» (с. 261–278) суммируются результаты многолетних исследований автора по данной теме²⁴. Ключевым понятием предлагаемого анализа является понятие интеграции, что отражено и в названии разделов статьи («Интегрированная армия: военное общество», «Армия и интеграция местных жителей», «Ветераны и интеграция в имперское общество»).

²² Сводка сохранившихся имен помещена в приложении к статье, которое также включает список датированных острака, военную хронологию Голайи, карты, планы и прорисовку одного граффити с изображением крепости.

²³ Об этих поэтах и их произведениях см. интересное исследование: *Adams J.N. The Poets of Bu Njem: Language, Culture and the Centurionate // JRS. 1999. 89. P. 109–134.* с указанием более ранних работ, в том числе и Р. Реббуфа.

²⁴ Главным итогом его работы является монография, вышедшая 20 лет назад: *Le Roux P. L'armée romaine et organisation des provinces ibériques d'Auguste à l'invasion de 409. P., 1982.* В последующие годы эта тема продолжала им успешно разрабатываться.

Задаваясь вопросом, какая из формулировок – *exercitus Hispanicus* или *exercitus Hispanus* – точнее отражает сущность армейской группировки на Иберийском полуострове, автор подчеркивает, что в действительности речь идет о двух гранях одной и той же общности (*collectivité*), которая фактически утвердилась в Испании и постепенно интегрировалась в жизнь страны. Если первая формулировка означает, что войска были иноземного происхождения и использовались господствующей властью, то вторая, отнюдь не подразумевающая национальную армию, предполагает стабильность гарнизона, пополняемого в основном рекрутами местного происхождения (с. 262). Армия в Испании представляла собой особую социальную группу, организованную в соответствии с римскими нормами, достаточно закрытую и автономную, но не отрезанную от провинциального общества. Указывая на своеобразие армейского социума, Ле Ру обращает внимание на структуру военного лагеря, на роль центурии как той группы, где выковывалось воинское товарищество и другие социальные связи, подчеркивает значение военной карьеры как пути к социальному возвышению, а также характерное для профессиональной армии противоречие между солидарностью и соперничеством. В целом же, по мысли автора, отделение армии от общества имело характер технического и политический, а не собственно социальный (с. 266). Присутствие войска в провинции проявлялось на двух уровнях. Во-первых, на уровне контактов, связанных со снабжением и с деятельностью армии как романизованного и привилегированного корпуса. Второй уровень охватывает социальные связи солдат и ветеранов. Примечательно, что в Испании, в отличие от Африки, территорий на Рейне и Дунае, лагеря и канабы не возводились в статус городов латинского права или муниципиев (единственное исключение город *Leobn*, связанный по происхождению с лагерем *legio II Gemina*). По мнению Ле Ру, армия оказывала влияние на романизацию местного населения только косвенным образом – через рекрутирование местных жителей, через ветеранов и военную колонизацию. Социальное происхождение солдат, служивших в *exercitus Hispanicus* показывает, что рекрутирование следовало за прогрессом интеграции и романизации, сама же армия играла в этих процессах роль катализатора. Говоря о вкладе армии в формирование провинциальных элит, автор приходит к выводу, что военная профессия по мере замирения и интеграции обеспечивала определенный престиж и давала надежды на возвышение в обществе, но отнюдь не гарантировала его. Набор воинских контингентов, был ли он территориальным или нет, добровольным или принудительным, не предполагал создания социально однородной армии. Созданная Августом военная машина предполагала приспособление к изменяющимся условиям, и, как заключает автор, *exercitus Hispanicus*, возможно, лучше, чем другие армии, показывает эту двойную потребность в интеграции и адаптации (с. 278).

Работа Ф. Берара «Гарнизон Лиона и *officiales* наместника Лионской Галлии» (с. 279–305), хотя и написана на локальном материале, на наш взгляд, логичнее смотрелась бы во втором разделе сборника, поскольку главную свою задачу автор видит в том, чтобы выяснить состав, структуру карьеры и организацию канцелярии (*officium*) провинциального наместника, обратив внимание на отличия именно Лугдунской провинции, в которой гарнизон до Септимия Севера состоял из городской когорты, а позже – из отрядов, откомандированных из четырех легионов германских провинций. Анализируя полтора десятка надписей, Берар последовательно и скрупулезно характеризует различные ранги военнослужащих, занятых в *officium* (*cornicularii*, *commentarienses*, *speculatores*, *beneficiarii* и др.), и приходит к заключению, что официй в Лионе по своей структуре и численности был аналогичен *officia* военных провинций. Выходившие в отставку *officiales* оставались в провинции, а не уезжали по месту дислокации своей части, как солдаты, служившие в канцеляриях наместников мирных (*inermes*) провинций. Материалы из Лиона, содержащие данные о нескольких довольно редких чинах, позволяют точнее представить внутреннюю иерархию *officia*.

Статья М. Роксан «Расселение ветеранов вспомогательных войск в Германии» (с. 307–326) является продолжением ее работ, выполненных на материалах Британии

и Паннонии²⁵. Подробный обзор всех имеющихся на настоящее время дипломов ветеранов-ауксилиариев, служивших в частях Верхней и Нижней Германии, а также ветеранских надписей с территории этих провинций имеет целью выяснить, где селились бывшие солдаты вспомогательных войск. Относительная немногочисленность германских эпиграфических свидетельств (а в случае с дипломами – еще и отсутствие твердой уверенности в том, что место находки совпадает с местом поселения ветерана) не позволяет, по мнению автора, сделать общих выводов, пока не проведено соответствующее изучение всех остальных провинций. В качестве предварительных наблюдений Роксан отмечает, что характер расселения ветеранов изменялся с течением времени: развитие со времени Адриана локального рекрутирования и относительно неизменные границы способствовали созданию стабильных локальных общностей, которые привлекали многих ветеранов. Часть ветеранов все же возвращалась в силу разных причин на родину или в места постоянной дислокации своих частей даже в том случае, если значительный период службы прошел у них в отдаленных провинциях (с.321).

Аналогичную проблему, поставленную еще Э. Бёрли²⁶, рассматривает и М. Миркович в статье «Военные дипломы из Viminacium и расселение ветеранов auxilia: город или сельская местность?» (с. 365–375). Обращая вслед за М. Роксан внимание на места находки дипломов, автор анализирует материалы из Виминация, города в Верхней Мезии, где в последнее десятилетие были открыты несколько новых дипломов. Общее же число находок из Верхней Мезии более 24, из которых 19 сделаны в самом городе и прилегающих районах, а остальные – в фортах по берегу Дуная, недалеко от лагеря VII Клавдиева легиона, располагавшегося в Виминации. Такая концентрация находок тем более удивительна, что ни одна из тех многочисленных частей, в которых служили обладатели дипломов, не рекрутировалась и не дислоцировалась в Виминации, а на его территории и в окрестностях не обнаружено надписей, свидетельствующих о поселении здесь отставных ауксилиариев. Сопоставляя положение дел с ветеранами в Виминации и других городах придунайских провинций, одной из наиболее вероятных причин столь высокой концентрации дипломов в Виминации Миркович, следуя точке зрения М. Роксан²⁷, считает, что они были собраны в городе еще в античные времена для переплавки. Не исключено также, что фрагменты дипломов, представлявшие собой кусочки бронзы, использовались вместо мелкой монеты (на это, возможно, указывают специально отломанные фрагменты прямоугольной формы). Кроме того, лагерь легиона мог быть местом хранения дипломов²⁸, а в город они могли приноситься как доказательство для сборщиков налогов о праве ветеранов на соответствующие налоговые льготы (с. 374). По предположению Миркович, первоначальные владельцы дипломов поселялись в самом Виминации либо получали надель на городской территории или в *vicis* близ фортов на Дунае, которые располагались на *ager publicus*, что давало поселенцам дополнительные фискальные привилегии. Таким образом, вполне вероятно, что значительное число ветеранов оставалось после отставки в провинциях, где они несли службу, благодаря тем иммунитетам, которые они получали на общественной земле (с. 375).

²⁵ *Roxan M.M. Findspots of Military Diplomas of the Roman Auxiliary Army // University Colledge London Institute of Archaeology Bulletin, 1989. 26. P. 127–181; eadem. Settlement of Veterans of the Auxilia – a Preliminary Study // Roman Frontier Studies 1995. Proceedings of the XVI-th International Congress of Roman Frontier Studies / Ed.W. Groenman-van Waateringe et alii. Oxf. 1997. P. 483–491.*

²⁶ *Birley E. Veterans of the Roman Army in Britain and Elsewhere // Ancient Society. 1982/1983. 13/14. P. 265–277; idem. More Links between Britain and Noricum // Lebendige Altertumswissenschaft. Festgabe zur Vollendung des 70. Lebensjahres von Hermann Vetters. Wien, 1985. P. 114–119; idem. Pannonians in Roman Britain // ZPE. 1988. 73. P. 151–155.*

²⁷ *Roxan. Findspots... P. 134.*

²⁸ Мнение Г. Альфельди (*Alföldy G. Zur Beurteilung der Militärdiplome der Auxiliarsoldaten // Historia. 1968. 17. S. 225).*

Балкано-дунайскому региону посвящены еще две работы. Статья Дж. Уилкеса «Армия и общество в римской Далмации» (с. 327–341) написана на основе анализа почти девяти десятков эпитафий. Обращая внимание на характер информации, которую дает этот жанр эпиграфики для изучения социальных связей солдат и ветеранов, Уиллес группирует их в три блока в соответствии с их географическим распределением и этапами римского военного присутствия в провинции: 1) легионные ветераны до 42 г.н.э.; 2) гарнизон вспомогательных войск II–III вв.; 3) подразделение *legio I Italica* в Салоне в начале III в. (тексты всех надписей приведены в трех *appendices* на с. 335–341). Автора в первую очередь интересуют конкретные детали и любопытные особенности происхождения, карьеры, семейных связей отдельных солдат, стиль исполнения надгробных памятников, язык надписей, но при этом он сознательно избегает каких-либо содержательных обобщений, подчеркивая, что для этого необходимо полное изучение всех эпиграфических свидетельств.

В статье С. Душанича «Армия и горное дело в *Moesia superior*» (с. 343–363) с учетом особенностей исторического развития, географического положения и организации Верхней Мезии исследуется роль военных в обеспечении горнодобычи (*res metallica*). Отмечая, что очень многое в политике Рима и военно-административной структуре провинций определялось потребностями в металлах, автор подробно останавливается на характеристике этапов развития верхнемезийского гарнизона (особо выделяя период от правления Марка Аврелия до конца III в.), на административных функциях армии, на участии военных в охране рудников и коммуникаций, в самом производственном процессе. Важнейшей задачей провинциальной военной группировки было отражение угроз извне и подавление возможных выступлений массы горнорабочих, состоявшей из перегринов и людей, осужденных *ad metalla*, и готовой вступить в союз с варварами. Отправным моментом для разбора военно-административных проблем служит тщательный анализ ряда надписей, прежде всего недавно открытой в Равне (Тимок), в которой упомянут пост *libraria officii prae(fecti) ter(r)it(ori)um* (IMS. III/2, 31) (fig. 2). По заключению автора, такого рода *territorium* (или *regio*) относилась к ведению фиска, но непосредственно управлялась легионной *militia officialis* во главе с префектом. Легионеры помогали фиску организовывать эксплуатацию *ager publicus* и труда перегринов в рудниках. Эта помощь была необходима по практическим причинам, ибо только армия могла предоставить грамотных, технически подготовленных людей. В целом же металлургическое производство осуществлялось за счет привлечения перегринских общин, армейских подразделений и городов, в том числе легионных канаб, в компетенцию которых так же, как и отдельных муниципиев, передавалась часть горно-металлургических дел. В качестве общего вывода исследователь подчеркивает приоритет интересов, связанных с добычей металлов, над принципами римской политики по использованию армии. В Верхней Мезии легионеры постоянно и широко привлекались к решению административных и технологических задач вопреки той аксиоме, которая гласила *ne milites a signis absint* (Plin. Epist. X. 22.2) (с. 363).

В двух заключительных статьях раздела речь идет о римской армии в Египте²⁹. В работе Ф. Миттхофа «Солдаты и ветераны в обществе римского Египта (I–II вв. н.э.)» (с. 377–405) ставится широкий круг вопросов: можно ли говорить о военных и их семьях, составлявших 3–5% от общего населения провинции, как об однородной социальной группе, отграниченной от других; составляла ли она новый верхний слой общества и насколько модифицировала существующие социальные структуры; каков был ее вклад в романизацию и интеграцию Египта в общество Империи в целом? В поисках ответов на данные вопросы автор исследует в первую очередь этнический состав войска, отмечая в частности, что уже при Антонинах этническое многообразие в воинских частях Египта исчезает и с последней четверти II в. войска пополняются

²⁹ Изучение этой темы интенсивно продолжается в настоящее время. В частности недавно появилась монография: *Alston R. Soldier and Society in Roman Egypt: A Social History*. L. – N.Y., 1995. Подробные библиографические указания можно найти в рассматриваемых статьях.

местными уроженцами. Но в разных родах войск этот процесс протекал с неодинаковой скоростью. Если *auxilia* и флот уже в начале принципата комплектовались из жителей внутренних частей провинции (в том числе из деревень), то легионы и на протяжении почти всего II в. пополнялись рекрутами из других провинций (с. 379). Однако со временем основную массу легионеров стали составлять жители греческих городов и областных центров Египта, а также уроженцы деревень, куда возвращались ветераны-ауксилиарии, чьи сыновья, как римские граждане, уже подходили для службы в легионах. В итоге во II в. в некоторых деревнях как соседи и родственники совместно проживали и бывшие легионеры, и солдаты *auxilia* и флота (с. 382). Место рождения во многом определяло характер социальных связей солдат. Однако все ветераны входили в новый господствующий слой, который в Египте составляли римляне. Они обладали целым рядом привилегий, недоступных местному населению, и особым сословным сознанием. Привилегированный статус и относительное благосостояние ветеранов нередко вызывали у их односельчан неприязнь, зависть и даже агрессию. Оценивая социально-экономическое положение ветеранов, важно, по мнению Миттхофа, учитывать, что папирусная документация римского времени происходит только из среднеегипетских областей и не позволяет судить о ветеранах, проживавших в крупных городах и по соседству с лагерями. Уровень благосостояния ветеранов, осевших на земле, автор оценивает как скромный; обычно они получали средства для жизни, сдавая в аренду свои земельные участки и используя накопленные на службе деньги для мелких операций. Некоторые ветераны владели небольшими мастерскими и другими предприятиями. Были среди ветеранов и те, кто по своему имущественному положению находился на уровне богатых землевладельцев из метрополий или верхнего слоя жителей Александрии. Однако, обладая достаточно высоким социальным престижем в своих деревнях, ветераны, происходившие из мелких крестьян и ремесленников, лишь в очень немногих случаях могли получить доступ в круг старинных семейств, составлявших элиту метрополий. Поэтому солдатским сыновьям лишь военная служба открывала перспективы для социального возвышения. Как констатирует автор, отчужденные от изысканного городского общества, осевшие на земле ветераны стремились к более тесному сплочению друг с другом через разнообразные личные и семейные связи. Военные семейства имели тенденцию к концентрации в определенных местах. Исследователь не склонен преувеличивать степень романизации солдат египетского происхождения, указывая, что римская культура и латинский язык только тогда усваивались ветеранами и их близкими, когда это было необходимо, чтобы акцентировать свой статус и близость к власти, воспользоваться определенными правовыми гарантиями. С точки зрения культурной идентичности военные семьи сохраняли принадлежность к своему греко-египетскому окружению. По общему заключению Миттхофа, присутствие римской армии вело к возникновению на египетской хоре новой общественной группы, которая по своему правовому статусу четко отграничивалась от окружающего социума и принадлежала к господствующему слою, но ее положение было в высшей степени амбивалентным. Члены этой группы поддерживали друг с другом тесные отношения, имели общие ценности и примерно одинаковый имущественный уровень. Однако на традиционный общественный порядок египетской хоры они не оказывали заметного влияния. В отличие от других провинций в Египте ветераны лишь в единичных случаях входили в муниципальную элиту, оставаясь, несмотря на свое благосостояние и престиж, вне старого высшего слоя. В конце статьи Миттхоф дает обзор восьми групп папирусных документов, характеризующих социально-экономическое положение отдельных солдатских семей и индивидуальные жизненные ситуации.

В статье В. Максфилд «Размещение римских вспомогательных войск в Верхнем Египте и Восточной пустыне в период принципата» (с. 406–441) отмечается, что в специфических природно-географических условиях Египта структура размещения военных сил имела особое значение. Военные гарнизоны и посты в Верхнем Египте и Восточной пустыне предназначались главным образом для контроля за торговыми

путями и источниками воды, за работами в каменоломнях и рудниках и дислоцировались поэтому в районах, снабжение которых продовольствием могло осуществляться только с баз, расположенных в Нильской долине. Опираясь на результаты археологических изысканий, особенно активно проводившихся в 80–90-е годы XX в., но главным образом на письменные документы, автор стремится установить и идентифицировать те пункты, которые служили тыловыми базами для выдвинутых в пустыню постов, а также выяснить структуру размещения этих постов, их функции, размеры, организацию командования. В районе между Нилом и Красным морем в настоящее время идентифицировано более 70 небольших укрепленных пунктов, гарнизоны которых, видимо, редко превышали одну центурию. Наиболее крупные укрепленные пункты располагались в местах добычи камня и минералов. Размещенными здесь подразделениями обычно командовали *curatores* в чине центуриона, декуриона или дупликария вспомогательных частей. Более крупные и важные посты могли находиться под началом легионного офицера. С точки зрения Максфилд, модель размещения гарнизона Египта в период принципата, для которой характерно наличие немногих крупных баз и множества рассеянных постов, предвосхищает ситуацию позднеримского времени, когда штатный состав воинских частей был существенно сокращен, а их общее число возросло и базы стали располагаться в многочисленных пунктах (с. 436).

В заключительный четвертый раздел вошли четыре работы. Первая из них – статья П. Дж. Кейзи «*Liberalitas Augusti: императорские военные донативы и клад из Арраса*» (с. 445–458) – представляет собой интересную попытку исторической интерпретации нумизматического материала. В контексте развития практики награждения и донатив в конце III – начале IV в. автор анализирует состав и возможные варианты происхождения известного клада монет (от Вителлия до Диоклетиана и Константина) и ювелирных изделий, который был найден в 1922 г. на севере Франции в пригороде г. Арраса³⁰. Главное внимание автор уделяет 25 медальонам, которые относятся к типу наградных коммеморативных выпусков, служивших со времени Галлиена для награждения военных командиров. Такого рода медальоны, сохраняя монетный стандарт, являлись и денежной наградой и почетными знаками отличия, подчеркивая *dignitas* представителей того класса профессиональных офицеров, для которых традиционные муниципальные почести были теперь бременем, а первостепенное значение имело благорасположение императора. Анализ содержания клада показывает, что его владелец или владельцы были получателями императорских донатив в период от 285 до 315 г. При этом, с точки зрения денежной ценности, обнаруживается явное различие между дарами, полученными при Констанции I и Константине I. Автор выдвигает предположение, что обладателем более ценных наград был военачальник, служивший на Западе и в частности участвовавший в 296 г. в кампании Констанция против узурпаторов в Британии. Особенно интересные заключения Дж. Кейзи делает, анализируя граффити на золотом медальоне Константина I (RIC. VI, Trier 801). На лицевой стороне обычной эпиграфической аббревиатурой указана стоимость в 2000 денариев, а на реверсе сделана надпись *VITALIANUS PROTECTORIS* (с. 453). По его мнению, этот Виталиан не был первоначальным получателем всего набора донатив, но имел непосредственное отношение к тому офицеру, чья карьера была связана с возвышением Констанция и достигла кульминации в 303 г., когда он получил двойные *donativa* по случаю триумфа этого года. Виталиан же, благодаря своим семейным связям, еще совсем молодым человеком попал прямо в отряд *protectores* и служил при Константине, получая как лицо невысокого ранга менее ценные награды. Судя по содержанию монетных легенд, Виталиан находился в 312 г. в Италии, а в 315 г. завершил свою службу. Выпуск наградных медальонов, как отмечает автор, резюмируя свои изыскания, достиг максимального развития в период, когда общество и армия переживали самую радикальную трансформацию со времени

³⁰ Его публикацию см. *Bastien P., Metzger C. Le trésor de Beaurains (dites d'Arras)*. Wetteren, 1977.

Августа. Подобного рода дары призваны были подчеркнуть особый статус офицеров, их связь с императором в эпоху постоянных войн и частой смены правителей. С введением стабильной денежной системы в IV в. и созданием новой аристократии при Константине и его преемниках наблюдается упадок прежней практики награждения (с. 454–455).

В статье Г. Веш-Кляйн «*Commeatus id est tempus, quo ire, redire quis possit*. К вопросу о предоставлении отпуска в римской армии» (с. 459–471) подробно разбирается вопрос, конспективно изложенный в рассмотренной выше монографии. На основе скрупулезного анализа литературных, юридических и документальных источников автор рассматривает основания для предоставления отпуска, его продолжительность, дисциплинарные санкции за невозвращение в срок. Центральным является вопрос о содержании понятия *liber commeatus*. Веш-Кляйн аргументированно доказывает, что в римской армии никогда не существовало законного права на регулярный отпуск. Предоставление отпуска являлось прерогативой отдельных военачальников и командующего и осуществлялось на основе индивидуального ходатайства только по конкретным значимым причинам (состоянию здоровья, необходимости уладить неотложные семейные дела или участвовать в общественной жизни). Военачальники несли ответственность за злоупотребления и неправильное предоставление отпусков, причем, как показывают императорские конституции IV в., ответственность была очень строгой, вплоть до смертной казни. По мнению автора, это было обусловлено тем, что боеспособность армии в условиях уменьшения численности военных формирований сильно снижалась, если в отпусках оказывалось слишком много солдат. Что касается определения отпуска понятием «свободный» (*liber*), то Веш-Кляйн приходит к выводу, что под ним подразумевается не предоставление отпуска на неопределенный срок, но освобождение отдельных солдат от постоянного пребывания в лагере, подобно тому как *liber commeatus* сенаторов означал их освобождение от обязанности постоянно присутствовать в Риме (с. 471).

М.П. Спейдл посвятил свою небольшую, но как всегда изобретательно и тонко аргументированную статью ответу на вопрос: «Кто сражался впереди?» (таково и название работы) (с. 473–482). Констатируя, что боевая тактика различных родов войск в императорский период остается еще во многих своих аспектах неясной, прежде всего по причине неудовлетворительного состояния источников, исследователь обращается к известному памятнику византийской военной науки «Стратегикону» императора Маврикия (около 580 г.)³¹ и, комбинируя его сведения с данными папирусов, надписей и рельефов позднеантичного времени, рассматривает боевое построение римской кавалерии в период Ранней империи. Ретроспективный анализ позволяет автору обосновать вывод о том, что в период принципата младшие командиры (*декурионы*, *duplicarii*, *sesquiplacarii*) и знаменосцы сражались в передних рядах, так же, как это было и в ранневизантийское время (с. 482). Справедливости ради стоит все же отметить, что главным доводом в пользу данного вывода является чисто гипотетическое допущение, что боевые порядки кавалерии оставались в IV в. такими же, как и в первые века нашей эры.

Статья В. Эка «Монументы *Virtus*. Император и армия в зеркале эпитафических памятников» (с. 483–496) – единственная во всем сборнике работа, в которой непосредственно трактуется тема взаимоотношений правителя Империи с солдатами. Автора интересуют прежде всего ментально-идеологические аспекты этой темы, то, какое значение сами участники военных кампаний придавали битвам и победам, в какой степени они гордились своими военными свершениями и идентифицировали себя с успехами римского оружия, как оценивали роль императора и свои связи с ним. Ответить на эти вопросы, считает Эк, можно, обратившись не к официальным победным монументам, а надписям простых воинов и командиров, в жизни которых военная

³¹ Проблема авторства и другие источниковедческие аспекты этого трактата исследовались в ряде работ В.В. Кучмы, которые вошли в его недавно опубликованную книгу: *Кучма В.В. Военная организация Византийской империи*. СПб., 2001. С. 39 сл., 139 сл.

служба, независимо от ее срока, имела первостепенное значение. В эпиграфических памятниках военнотружущих очень часто в неразрывной связи упоминаются их собственные военные достижения и император, награждавший за них. Учитывая «экономичность» эпиграфических текстов, упоминание имени императора в связи с награждением *donna militaria* не было простой рутинной ссылкой, ибо то, что только императору юридически принадлежало полномочия награждать *donna*, не нуждалось в напоминании. Очевидно, что роль императора была исключительно важна лично для получателя наград, который упоминал о нем в своем *curriculum vitae*, подчеркивая персональный характер своей связи с главой государства и армии. В связи с этим Эк ставит вопрос, насколько близким был в реальности контакт между императором и награжденными воинами, как осуществлялся он на практике³². Понятно, что в случае, если император лично руководил кампанией, у воинов была возможность получить боевые награды непосредственно из рук верховного главнокомандующего. Однако подобная ситуация была достаточно редкой. Проводя аналогию с порядком награждения военачальников сенаторского ранга *ornamenta triumphalia*, автор рассматривает две другие возможные модели вручения *donna*. В первую очередь представляемые к наградам воины могли специально откомандировываться туда, где находился император, т.е. зачастую в Рим. По мнению Эка, такая ситуация вполне вероятна в случае назначения после той или иной войны триумфа. Но более вероятной и более распространенной он считает вторую возможность, когда награды, предназначенные для солдат провинциальной армии, посылались наместнику данной провинции для проведения церемонии награждения, а каждый из награжденных при этом получал лично ему адресованное письмо императора на специальном кодицилле, аналогичном тем, которые использовались при назначении на посты чиновников (с. 495). Этот документ, лично подписанный императором и доказывавший непосредственный контакт с ним, вероятно, находил почетное место в доме награжденного вместе с самими знаками отличия, а надписи с упоминанием этих наград и были настоящими *monumenta virtutis*, которые стояли во всех уголках Императора и рассказывали о победах римского оружия и людях, принимавших в них прямое участие.

Таково содержание рецензируемого сборника, которое безусловно дает самое наглядное представление о разнообразии современных подходов и проблематики в изучении римской армии, показывая, что весомое приращение знаний о ее многогранной роли в жизни общества осуществляется в первую очередь за счет исследований, основанных на локальных материалах и разработке конкретных, «узких» сюжетов, за счет разносторонней интерпретации старых и новых документальных свидетельств. Подводя общий итог, отметим, что благодаря широкому спектру затронутых проблем, высокому научному уровню, насыщенности очень интересными фактическими данными обе книги будут полезны не только специалистам по военной истории, но и тем исследователям, которые занимаются отдельными регионами и системой управления Римской империи, социальными структурами и процессами.

А.В. Махлаюк

THE ROMAN EMPEROR'S ARMY IN THE CONTEXT OF THE ROMAN HISTORY

Makhlayuk A.V.

The author of the communication analyses the last studies of the Roman emperor's army, emphasizing the growth of attention to non-military aspects of life of the Roman army in the contemporary historiography.

³² В указанной выше книге В. Максфилд данный вопрос не получил подробного освещения.